

ХОСЕ АГУСТИН ГОЙТИСОЛО

*Перевод с испанского Натальи Ванханен **

От переводчика

В Испании принято делить литературу на поколения — например, девяносто восьмого, двадцать седьмого годов. Между тем, литература — дело вечное, так ли уж важны в таком случае конкретный год, даже десятилетие? И все же у представителей одного поколения всегда есть общность. Она в биографии. В понимающем переглядывании: «Мы-то с вами помним...» Да, и помнят разное, и пережили каждый по-своему, но хранится в памяти нечто единое, называемое «в наше время».

Хосе Агустин Гойтисоло относится к поэтическому поколению пятидесятых. Он вошел в литературу одновременно с Хайме Хилем де Бьедмой, Кабальеро Бональдом, Хосе Вальверде и другими, непохожими друг на друга поэтами. Но одно у них было общим: все они — дети войны, у всех юность пришлась на годы окрепшего, мы бы выразились, «развитого» франкизма, поразительно смахивающего на наш застой. То же безудержное бахвальство по радио, те же цензурные кляпы и недоверие к интеллигенции, те же хитрые подмены в литературе: не то что до современников — до классиков-то не доберешься, так засыпаны они шелухой готовых — и обязательных! — толкований, так густо покрыты любезной системе позолотой. Но вот, из глубин безвременья, пробиваются живые человеческие голоса, и голос Хосе Гойтисоло — среди них.

Поэт родился в Барселоне в 1928 году, в семье, которой суждено было стать знаменитой: два его брата, Хуан и Луис Гойтисоло, — ныне крупные прозаики, хорошо известные и в нашей стране. Поэт получил юридическое образование в мадридском университете. Много переводил, в том числе, из русских поэтов, Сергея Есенина.

Мрачное время — мрачные песни. Первый сборник стихов Хосе Гойтисоло «Возвращение» (1955) — книга о смерти, отпевание, плач по отлетевшей душе. И все же, как в сумрачном храме, нет-нет да и пробьется внутрь сквозь высокое окно запыленный солнечный луч. Этот луч будет расти, расширяться в следующих книгах, но и тема ухода, отрешенности, ностальгии останется, только всякий раз будет звучать по-новому. Тут и печаль

* ХОСЕ АГУСТИН ГОЙТИСОЛО — Стихи (Перевод с испанского и вступление Натальи Ванханен) // *Иностранная литература*, 1992, № 4, 27–34.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

об ушедшем детстве, и расставание с любовью, и прощание с родиной. Родина и любовь в испанской поэзии, как и в русской, часто синонимы или, во всяком случае, стоят в нераздельной близости. Родина может быть отнята у человека разными способами. Самый явный из них — изгнание. Самый простой и самый массовый — отлучение. Достаточно тем, кто наверху, объявить себя единственными полномочными представителями страны и народа, и цель достигнута. Остальные не в счет. Сквозная тема книги «Конец прощания» — вынужденное прощание с отнятой, узурпированной самозванцами отчизной. И эта же книга самим фактом своего существования утверждает обратное — у хранителя языка родину отнять невозможно. В нашем столетии мы в этом неоднократно убеждались. А поэт именно хранитель. Он возвращает опошленным официозом, скомпрометированным ложью, замусоленным бытом словам их изначальный смысл. «Их протирают, как стекло, и в этом наше ремесло», — писал о словах русский поэт Давид Самойлов. В поисках незамутненности речи Гойтисоло обращается к самому чистому источнику — народной поэзии и пишет удивительную для современности книгу «Шаги охотника», близкую к народным испанским песням — коплам, сегидильям, непосредственным по интонации, легким и глубоким одновременно. Вроде бы незамысловатые, они поражают точнейшим попаданием слова в цель. Их герои: девушка, спешащая на свидание, бредущий полем охотник, орлица над суровым сухим нагорьем в стихотворении, где настойчивый рефрен «орлица, орлица» словно новый широкий взмах крыльев, уносящий нас все выше в небо.

Поэт много думает о времени: и о мгновении, которое во что бы то ни стало надо успеть остановить прежде, чем оно остановит тебя, и о том, чего уже не вернуть — не потому ли так щемит сердце при виде пожелтевших фотографий и стертой патефонной пластинки? Есть у него и интерес к истории. Каждое «историческое» стихотворение Хосе Гойтисоло — маленький, отжатый до одной страницы роман, действующие лица которого нередко тоже тоскуют о своем былом. Это и римлянин, оплакивающий гибель империи, и король, забывший о всемогуществе и странствующий в нищенских отрепьях в поисках вчерашнего дня. Так рождается в поэзии Гойтисоло некий *plusquamperfect*, прошедшее в прошедшем, вереница отражающих друг друга зеркал. Его нищий король, давший название одному из сборников («Нищий король», 1988), вглядывается во мглу, высматривая неведомое, а может, несуществующее или прошедшее. Этот герой близок автору. Однажды в разговоре, когда речь шла о разных людях, получавших те или иные определения, Гойтисоло спросили: «А кто вы сам?

Кем вы себя считаете?» — «Кто я? — удивился поэт. — Ну конечно нищий король!»

«Иностранная литература» уже представляла Хосе Гойтисоло нашим читателям.¹

В предлагаемую подборку вошли стихотворения из разных книг поэта, написанных в различные периоды жизни, но, думается, во всех них есть некий характерный для него сплав традиции и современности и узнаваемость голоса.

Только и всего

Тополя шептались.
На душе мертво.
В марте мы расстались,
только и всего.

Давняя улыбка,
взгляд. Ни у кого
глаз таких не встретить.
Только и всего.

Дни тоски и гнева.
Света твоего
луч с ночного неба.
Только и всего.

За огонь высокий,
за тепло его —
в сердце эти строки.
Только и всего.

Запах дождя

Под ветром влажным и вялым
забыл твой голос и слезы,
былое пало провалом,
осыпалось цветом розы.

Не сыщешь прежних времянок,
ни клумбы, ни грядки тощей,
ни шепчущей спозаранок
вскружившей голову рощи.

¹ См. «ИЛ», 1975, № 11; 1982, № 3. (Прим. ред.)

Лишь веет воздухом вялым,
дождем, заброшенным садом,
разлука находит шквалом,
да чайки кричат с надсадом.

Болеро

Если тебе случится —
 такое со мною бывало —
весь день говорить о людях,
 которых давно не стало,
о призрачных переулках,
 газовом свете улиц,
предрассветных прогулках,
 конках, что не вернулись,
если, фальшивя пылко,
 поешь, пьянеешь мгновенно,
чуть что — и лезешь в бутылку,
 чуть что — и лезешь на стену,
на этой скользкой дороге
 не мешкай — она опасна! —
проси врачей о подмоге,
 иначе в один прекрасный,
ужасный момент, измотан,
 за стойкою бара, в сквере,
в постели, холодным потом
 пропитанной, до потери
сознания примешься думать,
 думать, думать, и в этом,
поверь, достаточно мрака —
 увидишь, что неприкаян
и одинок, как собака,
 и предал тебя хозяин.

* * *

Дни тревоги, бессонный час,
колокола из тьмы.

Наши книги живут без нас,
где их забыли мы?

Спи. В тиши не считай утрат.
К нам не придут сюда.

А пробудишься, спросишь: брат,
есть ли черней беда?

В лихие годы

Как богач, над добром дрожащий в лихие годы,
ищет угол, куда бы его припрятать,
я решил:
— Лежи до лучших времен.

И зарыл поглубже свои надежды
и планы.
 Дождь прошел,
и где теперь это место?

Смутное время

На улице как тогда,
да только совсем не так.

Проплыли бредом года —
все двадцать сошли во мрак.

Не я ли колокол тот,
гудящий издалика?

Та тень, что разбег берет,
скользнув из-под каблука?

Напрасные «я — не я?».
Спроси у небытия.

Голос — эхо

Стукнешь ночью в глухую дверь —
стены гудят в ответ.

Пес добычу несет в зубах,
стоит напасть на след.

А окликнешь тех, кого нет,
голос —
эхо в горах.

*Возвращение Рутилия*¹

Потомок знатного рода,
ты возвращаешься в свой край,
с болью в сердце наблюдая его закат.
На всем пути, тут и там, тебе попадаются люди,
бегущие от солнца, чтобы обрести царствие небесное,
схоронясь в пещерах. Ну не бред ли
спасаться от зла, отвергая радость и свет?

Когда великое здание пошатнулось,
в трещинах его стен ты разглядел их, этих крыс,
ткущих саван для разума.
С каждым днем все меньше желающих умереть за Империю
и все больше жаждущих спасти свою жалкую душу.
Горькое возвращение: умереть в родном доме
в окружении варваров.

Женщины прошлого

В приморских курзалах, в кафе,
откинувшись на спинки плетеных кресел,
растянувшись на ласковом бархате шезлонгов,
с сигаретами — о, как дерзко, как пряно! —
в платьях приглушенных тонов
или где-нибудь там, в потайных закоулках дома,
охорашиваясь у зеркала,
пудрясь, подкрашивая губы,
женщины прошлого — такие нездешние! —
казались не от мира сего.
Но когда они угощали нас леденцами
или подставляли профиль фотографу,
все мы, все поголовно, догадывались, что это ненадолго
и скоро кончится,
что красивая кинолента не может крутиться вечно,
а бесценная жемчужина,
таимая в сборках декольте
или между колен,
однажды обернется галантерейной дешевкой,
что они, в сущности, совсем как мы:
те же заботы и скука,
грусть и желания.

¹ Рутилий Клавдий Намациан — римский поэт, по рождению галл, префект Рима в 416 г. После разорения Рима возвратился на родину, которую в то время опустошали вестготы. Написал поэму о своем возвращении. (*Прим. перев.*)

О, раз так, стоит ли корчить из себя богинь,
к чему
эти беспредметные вздохи,
эта немыслимая белизна одиноко парящей руки
с влажно сверкающим ноготком,
если от всего карнавала
останется десяток выцветших литографий
и груды шляпных коробок, набитых желтыми фото,
из которых нет-нет да и выскользнет надтреснутая патефонная пластинка.

Дом, которого нет

Говорят, это тоска, ностальгия.
Тоска по чему? — удивляется он. —
По жизни, расколотой надвое?
Заросшему саду? Смутным и страшным
годам? Брюкам мышинового цвета?
Только в детстве помнится ему праздник,
краткий и бысролетный.
Иногда во сне хочется продлить его надолго, может быть, навсегда.
Так нерадивый ученик, знай, мечтает о чем-то,
уставившись в угол.

Вечный страх потерять тех, кого любишь,
создал вот здесь, рядом,
неприметную дверцу,
открывающуюся внутрь,
но и за ней оказалась
лишь зябкая пустота,
эхо, говорящее его же словами,
веющее полузабытым испугом.

Он переходит из вчера в завтра,
словно одолевает крутой перевал,
воскрешая хижины и замки,
сметенные войной и ветрами,
забывая и путая дни,
в надежде остановить время раньше,
чем оно остановит его.

О нелепый, заблудший
нищий король! Озноб ночной непогоды
пробегает по твоей спине,
а ты все идешь и идешь от бездны к бездне,
высматривая во тьме далекий свет дома,
которого нет!

Рядом с нами

В комнате
за стеною,
в комнате,
полной мною
до недавнего дня,
меж былых переборок,
книжек и книжных полок,
строя, смеясь,
звenea,
радость,
любовь, ладошка,
вправду, не понарошку,
ластясь,
лучась,
блестя,
просто живет
и только,
не погрустив нисколько,
девочка, день,
дитя.

Из книги «Шаги охотника»

* * *

Над дебрями ежевики —
орлица.
Над рощами и лесами —
орлица.
Над далями и холмами —
орлица.
Над скалами и над нами —
орлица.
Над высью, где снег искрится, —
орлица.
Над тучами выше снега —
орлица.
И там, где кончилось небо, —
орлица,
одна
орлица.

* * *

К закату склонилось солнце:
стрелок, постучи в оконце.

Куда собралась ты к ночи?
Где к милому путь короче.

А злой язычок соседок?
Пусть судят своих наседок.

Как быть с людскою молвою?
Она порастет травую.

Не слушай молвы и сплетен —
а лишь тополиный ветер.

* * *

Стрелок, уснувший в поле
на комьях глины,
взгляни, как я умею
взбивать перины.

Стрелок, уснувший в поле,
укрывшись еле,
пойдем со мной, узнаешь,
как спать в постели.

Стрелок, скитаясь в поле,
ты пьешь из лужи,
но могут эти губы
поить не хуже.

* * *

Красавица девушка,
гроздь винограда,
все грозди не срезать,
да все и не надо.

Ведь лучшие
грозди
укрылись от взгляда.

Красавица девушка,
ветка и завязь,
все лучшие ягоды
птицам достались.

И знает
хозяин едва ли,
что лучшее птицы склевали.

Красавица девушка,
гроздь винограда —
ты вольная воля
и этому рада.

И, верно,
по вольным законам
любовь достается влюбленным.

* * *

Слетают с веток листья,
как птицы на поля.
Взгляни на эти вишни
и тополя.

Вот красный вслед за желтым
вспорхнул, исчез.
Взгляни на сад притихший,
взгляни на лес.

Под осень эта стая
желта, красна.
Назад вернется к маю —
когда весна.